

Несколько рассказов и повестей Толстого появились в промежутке 1857—1862 гг. («Метель», «Два гусара», «Три смерти», «Казачи»), и каждый из них вызывал новое восхищение его талантом. Первый из указанных нами рассказов, несмотря на незначительность содержания, является перлом искусства: в нем рассказывается о блужданиях путника, застигнутого метелью. То же можно сказать по справедливости о «Двух гусарах»; в этом рассказе, на пространстве немногих страниц, с удивительной точностью очерчены два поколения. Что же касается до глубоко пантеистического рассказа «Три смерти», в котором изображены смерть богатой помещицы, смерть бедного ямщика и смерть березы, то это — поэма в прозе, заслуживающая быть поставленной наряду с лучшими образцами пантеистической поэзии Гете. В то же время по своему социальному значению этот рассказ является предшественником произведений Толстого позднейшей эпохи.

«Казачи» — автобиографическая повесть и относится ко времени, о котором мы упоминали выше, когда 24-летний Толстой, убегающий от пустоты жизни, которую он вел в Петербурге, попал в Пятигорск, а потом в заброшенную казачью станицу на берегу Терека, охотился там в компании со старым казаком Брошкой и с молодым Лукашкой и где, среди поэтического наслаждения чудной природой, среди простоты жизни этих детей природы и немногого обожания молодой казачки, пробудился его удивительный литературный гений.

Появление этой повести, в которой каждый чувствует следы гениального таланта, вызвало ожесточенные споры. Повесть была начата в 1852 году, но напечатана лишь в 1860 году, когда вся Россия с нетерпением ожидала результатов работы комитетов по освобождению крестьян, предвидя, что с падением крепостного права начнется полное разрушение всех других, сгнивших, устаревших, варварских учреждений прошлого. Россия искала тогда в западной цивилизации вдохновения и примера для великой реформационной работы. И в это время появляется молодой писатель, который, вслед за Руссо, возмущается против цивилизации, проповедует возвращение к природе и зовет нас сбросить с себя искусственный покров, который мы зовем цивилизованной жизнью, но который является плохой заменой счастья, даваемого свободным трудом на лоне свободной природы. Всем известна основная идея «Казачков»: контраст между естественной жизнью этих сынов степей и искусственной жизнью молодого офицера, случайно попавшего в их среду.

Толстой рисует здесь сильных людей, похожих на американских скваттеров, которые развились в степях, у подножия Кавказских гор, и жизнь которых полна опасностей, — причем в этой жизни физическая сила, выносливость и холодное мужество являются необходимостью. В их среду попадает один из болезненных продуктов нашей полуинтеллектуальной городской жизни, причем ему на каждом шагу приходится чувствовать превосходство над ним казака Лукашки. Он хочет совершить что-нибудь великое, но для этого у него не хватает ни умственных, ни физических сил. Даже его любовь не имеет ничего общего с здоровой, сильной любовью человека, выросшего в степях; это — просто лишь слабое возбуждение нервов, которое, очевидно, не может продолжаться долго и которое вызывает только род беспокойства в девушке-казачке, но лично не может увлечь ее. И когда он говорит ей о любви, в силу которой он, впрочем, и сам не верит, она отталкивает его со словами: «Отстань ты от меня, постылый».

Некоторые увидели в этой замечательной повести такое же «восхваление полудикого образа жизни», в каком обвиняли (нелепо обвиняли) писателей XVIII века и в особенности Руссо. В действительности Толстой далек от такого восхваления, как, впрочем, далек был от него и Руссо. Но Толстой видел в жизни казаков обилие жизненности, энергии и силы, каких он не находил в жизни его благо рожденного героя, — и он рассказал об этом в прекрасной, производящей впечатление, форме. Его герой — а таких найдется бесчисленное множество — не обладает ни теми силами, которые дает физический труд в борьбе с природой, ни теми силами, которые могла бы дать ему наука и истинная образованность. Действительная умственная сила не спрашивает себя каждую минуту: «Прав я или нет?»

Такая сила чувствует, что у нее есть известные начала, в которых она не может быть неправою. То же по справедливости можно сказать и о нравственной силе: она знает, что до такой-то степени она может доверять самой себе. Но, подобно тысячам людей, принадлежащим к так называемым образованным классам, Нехлюдов не обладает ни одной из этих сил. Он слабосильное существо, и Толстой